

Вернувшись, Юй Фэн всё ещё тешил себя наивной надеждой, что Цинь Фуюань в конце концов заберёт ребёнка.

Особенно теперь, когда малыш подрос и измельчавшие черты его лица стали выравниваться.

Однако дни шли за днями, а Цинь Фуюань и не думал проявлять отцовские чувства. Вместо этого пришёл черед мести: под жестоким давлением корпорации Цинь семейство Юй окончательно обанкротилось.

Даже и без того сомнительная карьера Юй Цзяня полностью застопорилась. Когда же всплыли грянувшие скандалы, они не вызвали в обществе вообще никакого резонанса — публике было просто всё равно.

Юй Цзянь с нескрываемой желчью и злобой уставился на Юй Фэна и младенца на его руках:

— Ты же утверждал, будто знаешь, как сделать его законным отпрыском семьи Цинь?

Юй Фэн и сам находился в отвратительном расположении духа — мало того что лишился всего состояния, так ещё и жена подала на развод.

Сжав зубы, он прорычал:

— Я переоценил привязанность Цинь Фуюаня к Юй Няню.

— Юй Нянь — обычный никчёмный мусор, он даже не сумел удержать возле себя мужчину!

Будь Цинь Фуюань искренне влюблён в Юй Няня, разве позволил бы он кануть в небытие их совместному дитя?

\*\*\*

С тех пор прошло три года.

Послеполуденный дворик будто вымокал в жидком золоте солнечных лучей.

Вдоль изгороди пышным водопадом струилась бугенвиллея; её бело-розовые соцветия распускались нежным, словно туман, покрывалом. Ветер едва шевелил воздух, заставляя лишь самые кончики листьев дрожать в тихом ритме.

Юй Нянь сладко спал в саду, развалившись в шезлонге. Солнечный свет, пробиваясь сквозь густую листву, ложился на его тело трепещущей ажурной тенью.

Маленький Юй Цинлин прижался к нему, уткнувшись носом в грудь отца.

Цинлин с самого рождения был невероятно липким и ласковым малышом: пока Юй Нянь находился рядом, кроха вела себя тихо и кротко.

Если же их разлучали хоть ненадолго, он не устраивал истерик и не кричал, а лишь молча смотрел наполненными слезами глазенками, пока прозрачные капли бесшумно катились по щекам.

Словно маленькая, вечно плачущая плюшевая игрушка — на него невозможно было смотреть без сжатия в сердце.

Юй Нянь сплошь и рядом думал, что его сынишка слишком уж хрупок и беспомощен.

Пока отец и сын безмятежно дремали, к ним тихо подошёл светловолосый иностранец из Страны А.

Он наклонился, поднёс палец к носику Юй Цинлина, а затем проверяюще прикоснулся к ноздрям Юй Няня. Ощувив едва заметное дыхание, Кингсли облегчённо выдохнул:

«Живы. Слава богу, живы...»

Это бесцеремонное прикосновение разбудило обоих. Юй Цинлин медленно разомкнул веки, уставившись перед собой смутным, ещё не проснувшимся взглядом.

Голос Юй Няня прозвучал охрипше после сна:

— Кингсли, ты чего вытворяешь?

Кингсли приехал в этот провинциальный городок месяц назад и работал местным врачом.

Едва поселившись по соседству, он тут же обратил внимание на эту необычную семью.

Оба — и отец, и сын — были невероятно, почти нереально красивы.

По Юй Няню невозможно было сказать, что он уже рожал: от него веяло расслабленной, беззаботной юношеской свежестью.

А мальчик и вовсе походил на драгоценную фарфоровую куклу из витрины элитного магазина.

Вот только малыш с дымчато-голубыми глазами казался аутичным: с самого момента их знакомства Кингсли не слышал от Юй Цинлина ни единого слова.

Как медик, он искренне беспокоился за развитие ребёнка. И при любой удобной возможности пытался убедить Юй Няня показать малыша специалистам.

— Юй, я серьёзно считаю, что тебе нужно показать Цинлина врачу, — заговорил Кингсли.

Юй Нянь молча подхватил Юй Цинлина под мышки и поднёс его перед собой, направив личико прямо на иностранца. Малыш уставился на доктора немигающим взглядом.

Кингсли:

— ...

Доктор едва не схватился за голову:

— Я имел в виду \*go to hospital\*, а не \*look at the doctor\*!

Юй Нянь и Юй Цинлин синхронно склонили головы набок с одинаковым выражением на лицах: «Ты о чём вообще шепочешь, чувак? Мы не понимаем».

Кингсли пришёл в окончательное отчаяние, решив, что над ним просто издеваются:

— Юй, если ты продолжишь валять дурака, я всерьёз обижусь! В ваших краях любой человек с аттестатом средней школы поймёт, о чём я говорю!

— Так я же не учился в старших классах, — невинно отозвался Юй Нянь. — Я бросил школу ещё в средней и пошёл работать.

Семья Юй обанкротилась, когда он был совсем подростком, и с тех самых пор он крутился в шоу-бизнесе. К моменту, когда он покинул индустрию, за ним так и закрепился ярлык «неуча, пропустившего обязательное девятилетнее образование».

Услышав это, Кингсли в то же мгновение почувствовал себя последней сволочью.

Зачем он вообще затронул эту тему? Человек ведь наверняка расстроился!

— Извини, Юй, я не должен был так говорить, — торопливо пробормотал иностранец. — Но послушай меня! С Цинлином правда что-то не так. Трёхлетний ребёнок не может быть настолько ленивым! В этом возрасте дети сгорают от любопытства, пытаются активно выражать мысли, исследуют мир, шумят и гамят с утра до вечера!

Юй Цинлин тем временем послушно сидел рядом с отцом, опустив голову и с глубочайшим интересом наблюдая за крошечным муравьём, ползущим по ботинку Кингсли.

Доктор ткнул пальцем в плечико малыша, но Цинлин даже не вздрогнул, продолжая всё так же сосредоточенно созерцать муравья.

— Вот видишь! Цинлину точно нужна помощь врача!

Юй Цинлин:

— ...

— Не веришь? Попробуй попросить его сделать хоть что-нибудь! — распалялся Кингсли.

Юй Нянь бросил взгляд на своё чадо:

— Зайчик, сходи принеси папочке апельсин.

Юй Цинлин даже ухом не повёл.

Кингсли вздохнул, сам поднялся, сходил на кухню и принёс два апельсина.

Юй Нянь взял их и тут же протянул один обратно сыну:

— Зайчик, очисти папочке апельсин.

Юй Цинлин снова проигнорировал просьбу, замерев с отсутствующим видом.

Кингсли забрал цитрусовые, сам аккуратно очистил оба, отдал один Юй Няню, второй — малышу, а затем победоносно заключил:

— Ну вот, что я говорил! Цинлин — особый ребёнок!

Юй Нянь, уже вовсю уплетая сочные дольки, кивнул:

— Ну да, не такой, как все.

Кингсли, исполненный глубочайшей жалости к этому невероятно красивому, но безнадёжно глупенькому крохе, стал лично кормить малыша очищенным апельсином. Юй Цинлин только успевал пережевывать — его щечки раздулись, превратив личико в забавную мордочку хомяка.

Вкусно-то как!

\*\*[Цинлин: Стоит мне притвориться маленьким дурачком, как этот большой дурак Кингсли сам чистит для меня апельсины!]\*\*

\*\*[Коварный маленький хорёк каждый день обводит беднягу Кингсли вокруг пальца!]\*\*

Юй Цинлин тем временем трогательно и послушно держал в ладошках апельсиновые корки.

Доведав свою порцию, Юй Нянь поднялся с шезлонга:

— Ладно, Кингсли, позанимайся с Цинлином уроками, а я пойду приготовлю пожевать. Оставайся сегодня на ужин.

Кингсли с радостью согласился. В его глазах Юй Цинлин был ребёнком, которого поцеловал сам Господь: пусть глупеньким, зато невероятно послушным и кротким.

Малыш уселся на низенький табурет, сжав в кулачке карандаш.

Кингсли ободряюще улыбнулся:

— У меня отличный китайский! Обещаю, за домашку ты получишь высший балл.

Юй Цинлин сидел ровно, но его маленькая головка периодически клевала носом. Малыш безумно хотел спать.

Стоит только взглянуть на эти проклятые задания, как сразу клонит в сон! Что за безобразие?

Домашка — плохая!

Малыш — хороший!

Малыш не хочет делать домашку, малыш хорошенький!

А вот домашка заставляет малыша страдать, домашка — зло!

Кингсли аккуратно придержал Цинлина за подбородок:

— Но-но-но, Цинлин! Пишем уроки, спать нельзя!

Доктор взгляделся в первое задание. Простейший транскрипционный диктант по пиньиню:

`nihao`

Кингсли торжественно проговорил, идеально выговаривая тона:

— Ни хао! «Здравствуй»!

И, сжав ручонку Цинлина в своей огромной ладони, принялся выводить иероглифы:

\*母\* (Твоя мать).

Юй Цинлин:

— ...

Второе задание: составить предложение из слов «бабушка», «одна штука», «я», «собака».

Кингсли продолжил вдохновенно наставлять ученика:

— Зайчик, это же элементарно! Смотри, получается:

\* «Бабушка вырастила из меня собаку»\*.

Юй Цинлин:

— ...

В его дымчато-голубых глазах наконец рассеялась привычная муть, уступив место непередаваемому, глубочайшему шоку.

Третье задание: рассказ по картинкам.

На первой картинке головастики находят маму-жабу.

На второй мама-жаба что-то говорит.

На третьей головастик отвечает: «Мы уплываем», — и скрывается в глубине.

Требуется дополнить реплики.

Кингсли убеждённо заявил:

— Мама-жаба говорит: «Ты сделал домашнюю работу?»

— А головастик отвечает: «Уплываем, она нам не мама!»

Зрочки Юй Цинлина испытали настоящее землетрясение.

Он всем тельцем вцепился в рукав Кингсли: Не учи больше! Хватит, малышу страшно!

Завтра же в школу вызовут родителей!

А если вызовут родителей, папа опять не сможет встать с кровати!

**\*\*[Ха-ха-ха, я сейчас умру от смеха! Неужели главный нейтрализатор Цинлина — это Кингсли? Впервые вижу у малыша на лице настоящий ужас!]\*\***

**\*\*[Сам себе вырыл яму! Нечего было притворяться дурачком, тогда бы Кингсли над тобой так не издевался!]\*\***

Юй Цинлин задрал белоснежное личико, уставившись на Кингсли умоляющими, преданными глазками.

Доктор обомлел от такой невероятной милоты, но усилием воли отвёл взгляд и усадил кроху обратно за стол:

— Сюсюканья не пройдут! Пиши давай.

Боясь поддаться очарованию этой «сахарной бомбы», Кингсли даже не смотрел на ребёнка.

И, естественно, не заметил, как лобик мягкого и пушистого крохи покрылся мрачными черными линиями.

Он не собачка!

Он не бабушкина собачка!

Он папин маленький снежный хорёк!

Он хоречек, ясно вам?!

**\*\*[Зайчик! Мы знаем, что ты хоречек! Кого ты пытаешься уморить своей милотой?!]\*\***

**\*\*[Малыш, твоя домашка...]\*\***

**\*\*[А-ха-ха-ха, «твоя мать»! Позориться — так с иностранным размахом!]\*\***

**\*\*[Один смело учит, второй смело пишет! Боже мой, даже страшно представить, за какого идиота учителя примут Цинлина завтра!]\*\***

Юй Цинлин честно пытался спасти положение, но, услышав, что в школе его сочтут законченным дурачком, махнул рукой на собственное спасение.

Когда дуэт «учитель и ученик» закончил с домашней работой, Юй Нянь как раз позвал всех к столу.

Встретившись взглядом с хозяином дома, Кингсли сиял от гордости:

— Завтрашняя домашка Цинлина гарантированно получит высший балл!

Поскольку ему не пришлось тратить нервы на уроки, Юй Нянь пребывал в прекрасном расположении духа:

— Вот и отлично. Завтра снова с ним позанимаешься.

Стоявший у ноги Кингсли Юй Цинлин при этих словах мгновенно одеревенел, а его изящные

бровки сошлись к переносице.

Неужели малыш обречён быть бабушкиной собачкой?

Но малыш всё-таки хочет оставаться папиным хорьком!

— Иди с дядей Кингсли вымой ручки, — велел Юй Нянь.

Когда они вернулись из ванной, Кингсли, увидав уставленный коробками стол, едва не вскрикнул:

— Юй! И это ты называешь «приготовил пожевать»?! Ты что, даже не приготовил для Цинлина нормальную еду?!

На столе во всём великолепии красовались гамбургеры, картошка фри, наггетсы и кока-кола.

Юй Цинлин тем временем уже ухватил хрустящий пирожок с таро из «Макдоналдса» и с аппетитным хрустом откусил сразу половину.

Вкуснятина!

Пирожок — вкусный! Жареная курочка — вкусная! Гамбургер — супервкусный!

Вот она — настоящая еда для растущего детского организма!

Цинлин подобрался ближе к Кингсли, прижимаясь к его ноге. На его белоснежной щечке застряла крошка от панировки, а сам он мягко и тихонько проговорил:

— Мяу-мяу~

Кингсли:

— ?

Вкусно настолько, что аж замяукал?!

Малыш, но ты же не кошка, о боже!

— Цинлин уже совсем запутался в собственной видовой принадлежности! — в панике запричитал доктор. — К врачу! Юй, срочно води его к врачу!

Юй Нянь безмятежно отмахнулся:

— Ага, понял-понял.

Юй Цинлин шустро забрался к Юй Няню на колени и, болтая пухлыми ножками, продолжил с аппетитом уплетать фастфуд.

Кингсли:

— ...

Ладно, бесполезно. Этих двоих ничем не прошибёшь.

Поскольку уроками с Цинлином занимался иностранец, Юй Нянь, полностью ему доверяя, даже не стал проверять тетрадь.

Впрочем, малыш и раньше постоянно лепил ошибки, так что даже если он что-то сделал не так — невелика беда.

У воспитателей в детском саду о Цинлине сложилось стойкое впечатление: невероятно красивый, но крайне сообразительностью не блещущий маленький омега.

Первое время учителя пытались объяснить ему материал по несколько раз, но, осознав, что ребёнок попросту непробиваем, махнули рукой.

Среди прочих гиперактивных и развитых не по годам малышей Цинлин хоть и выглядел вопиюще глупеньким, но на уроках не шумел, не отвлекался, а тихонечко спал, уткнувшись носом в стол, за что воспитатели считали его самородком послушания.

Юй Няня совершенно не волновала перспектива вызова в школу: Цинлин так мастерски изображал дурачка, что окружающие искренне считывали это как его врождённую особенность.

Взять того же Кингсли — тому даже в голову не приходило, что ребёнок притворяется, он был свято уверен, что лень и заторможенность мальчика природного происхождения.

И отца, и сына подобное положение дел более чем устраивало.

На следующее утро Юй Нянь опять потерпел сокрушительное поражение в битве с будильником. Юй Цинлину тоже ужасно не хотелось вставать в садик. Но малыш всё же поворочался под одеялом и поплотнее прижался к папе.

— Папа... холодно-о-о...

Юй Нянь натянул одеяло по самые уши:

— И правда прохладно. Может, прогуляем?

Юй Цинлину идея безумно нравилась, но за эту неделю из пяти учебных дней он уже прогулял три. Если пропустить и сегодня, выйдет четыре дня прогулов.

Малыш жалобно похныкал в папиных объятиях.

Но в конце концов, накрывшись одеялом с головой, он соскользнул с кровати прямо на пушистый ковёр и принялся самостоятельно натягивать школьную форму. Одевшись, Цинлин семенящими шажками побежал в ванную — чистить зубки и умываться.

Приведя себя в полный порядок, он прибежал обратно к папиной кровати и заботливо подоткнул Юй Няню одеяло.

— Папочка, закажи доставку, чтобы малыша увезли.

— Уж заказал, зайчик. Иди жди у дверей.

— Хорошо-о!



Но Цинлин не ушёл сразу. Он прилёг на край кровати и тихонько прошептал:

— Папочка, малыш будет очень скучать.

— Папочка, я тебя люблю.

— Папочка, я уже начал скучать!

Мягкая, пахнущая молочной смесью щечка трёхлетнего крохи прижалась к щеке Юй Няня, и малыш звонко чмокнул отца.

У Юй Няня уголки губ самовольно поползли вверх. Сон как рукой сняло. Он крепко обнял сынишку:

— Папа тоже тебя любит, беги в садик.

— Папа тоже уже скучает.

Получив желанный ответ, Цинлин ещё раз громко чмокнул отца в щеку:

— Папочка, пока-пока! Спи побольше, а когда малыш вернётся, будет с тобой обниматься!

Юй Нянь пролежал в сладком оцепенении пару секунд. Кого он вообще родил? Настоящего липкого котёнка!

\*\*\*

Впрочем, не пробыв в садике и двух часов, Юй Цинлин уже стоял перед кабинетом воспитателя.

Он учился в элитном частном детском саду, где программа по сложности ничем не уступала начальной школе.

Местные дети прекрасно справлялись с нагрузкой, начав сумасшедшую гонку за успехом буквально с пеленок. Они не просто родились на финишной прямой, но и намеревались победить ещё в утробе.

Юй Цинлин подошёл к двери кабинета, высунул оттуда крошечную головку и тоненьким, едва слышным голоском позвал:

— Учитель Цзян...

Классный руководитель, учитель Цзян, секунду назад готовая взлететь на воздух от созерцания домашней тетради Цинлина, при виде одетого в форму послушного крохи мгновенно остыла. Вся её ярость испарилась без остатка.

Однако, как бы ни было жалко малыша, правила есть правила.

— Позови родителей. Мне нужно серьезно поговорить с твоим папой.

Юй Цинлин:

«Каюк!»

\*\*\*

Цинлин: \* «На одну секундочку вспомнил про злодея-папочку»\*.

Цинь Фуюань: \* «Вспомнил обо мне только тогда, когда в школу вызвали?»\*

Цинлин: \* «...»\*

Цинь Фуюань: \* «Чуть неудобный вопрос — и ты снова молчишь»\*.

<http://bllate.org/book/19995/1991410>